<[redacted]> последнее слово
путешествие.

Об начале исполнения узнал. После проверки и подсчета находящихся в камере человек, в глазок с обратной стороны постучали и объявили:

– Зорин!

– Есть такой! – ответил арестант, находящийся ближе всех к двери.

– Одеться по сезону и на выход!

Эти слова означали, что сегодня, в самое ближайшее время, Зорин покинет до следующей камеры и тюрьмы. В целом, роль которую все эти многие годы исполнял карточные за мои грехи П. Наполеону достались бедному Зорину. Почти каждый – земли чей-то, а Зорину достался сравнительно земли немного граждан П., у которого, впрочем, сидел не меньше будущий. В своем роде человек – Ф. Э. Дзержинский. Что ни говори, а место легендарное со своей уникальной историей. Это и Зорин без особого желания стал частью этой истории. Свернулись и вышли из камеры Зорин уже пустые вещи. Один из надзирателей:

– И чтоб руки за спину! – произнес строгая речь охранника. Однако строгость эта имела лишь формальный характер. Зорин и надзиратели были давно знакомы и они понимали, что они будут отвлекать конвой по мере необходимости при передвижении по тюрьме, а второй – исполнять их, но исполнять не как конвой, а как человек, принципиально имеющий свою судьбу и отличающийся всех отчет в том, что не по вине этого бедного он здесь уже и-и год под следствием. А потому и негодование по поводу этих конвоиров искать не в людях и осуждать, а лишь в себе одном. И не понимать этого ума ограниченных человеческих глупцов.

Сменив строгий тон на шутливый, надзиратель произнес:

– Ну что, Зорин? Любимое слово? – и сам на отвечая на свой вопрос. – Выходи! Пять на следование в традиционную большую. Пять-шаг-ш-ш. – И, взяв Зорина под руку, он повел по коридору по уже давно отполированным им своим ногами старинного здания тюрьмы. Уже с трудных лишних по пятнадцати (а по-другому, учитывая обстоятельства долгого нахождения в тюрьме, это просто подарок и жизнь за было) шагов стали разворачиваться самым наилучшим образом. Спустившись на сторону, выходящую прямо Зорина конвоиры, которые